
Мой ученик с аутизмом

История из прошлого

М.М. Заведеева,
учитель высшей категории, учитель начальных классов
E-mail: marinazavedeeva@yandex.ru

У каждого учителя, проработавшего не один десяток лет в школе, накопилось множество любопытных, смешных или страшных историй, которые он рассказывает своим коллегам, подопечным, друзьям и родственникам. Наверное, так рождаются школьные байки.

Эта грустная история произошла 19 лет назад. Выпустила я своих третьеклассников (в те годы начальная школа училась по программе 1—3) и стала готовиться к приёму первоклассников. Формируют классы обычно в мае. Я провела собрание с родителями будущих своих учеников и ушла в отпуск. Лето пролетело, и вот настала пора выходить на работу.

В школе я проработала к тому времени 15 лет. И впервые за свою практику столкнулась с ребёнком с аутизмом. Теоретические знания в области психологии немного стёрлись. А уж про аутизм (ведь я работала в обычной общеобразовательной школе, с обычными детьми) как-то забылись. И вот аутизм предстал передо мной неприступной стеной в образе маленького щуплого мальчика.

Мама привела его в школу накануне 1 сентября. Помню, вызвала меня завуч к себе в кабинет и представила нового ученика. Вот, возьмите к себе в класс. Я согласилась, попыталась заговорить с мальчиком. Он только глаза опустил, сжался весь, а потом за маму спрятался. Мама объяснила, что стесняется, а так мальчик хороший, привыкнет.

Так Никита (имя мальчика изменено) попал ко мне в класс. Начались трудовые

будни. С первых дней я поняла, что с ребёнком что-то не так. Мальчик эмоционально очень слабо реагировал на учителя и одноклассников, вплоть до полного безразличия, не улыбался, «не давал» контакта глаза в глаза. Он также слабо реагировал и на различные зрительные и слуховые раздражители, иногда казался глухим и слепым. Чем дальше, тем больше.

С этой проблемой я обратилась к школьному психологу. Она попыталась пообщаться с Никитой, но тот не шёл на контакт. Психолог предположила у мальчика аутизм.

Сразу вспомнился известный американский фильм «Человек дождя», где главного героя блестяще играет Дастин Хоффман. Главный герой — типичный аутист. После этой киноленты появилась даже фраза: «Гении — это люди дождя». Впрочем, дождь здесь ни при чем, просто фамилия героя фильма переводится как «человек дождя» (rainman). Тогда в обиход и вошла довольно устойчивая метафора.

Время шло. Никита охотно вписался в идеально организованный порядок школьной жизни и максимально предсказуемый процесс обучения, поскольку это отвечало его установкам — стремлению к сохранению постоянства в окружающем и использованию собственных стереотипных форм поведения. Он аккуратно выполнял задания в школьных тетрадях, выписывал буквы в прописях, хорошо писал под диктовку, отлично умел решать примеры на сложение и вычитание в пределах 10, решал простые задачи (математические способ-

ности встречаются у аутистов наиболее часто и проявляются в достаточно раннем возрасте).

Домашние задания выполнялись идеально. Что же касается речи — он вообще не говорил. Это самое трудное, с чем приходилось иметь дело.

Мне казалось, что мой «человек дождя» совершенно не понимает, о чём я говорю. Это не так. Оказывается, аутисты всё хорошо понимают, но, к сожалению, чаще всего не могут участвовать в разговоре. Страдающий аутизмом ребенок внешне может не проявлять никакого интереса к другим, ни с кем не общаться, но все равно он, как губка, впитывает в себя окружающий мир. Дети часто чувствуют себя одинокими. Хотя, через какое-то время Никита пошёл на телесный контакт с детьми. Те могли брать его за руку, гладить по голове, а он отвечал им тем же и даже улыбался.

В каждом классе всегда есть один-два «неудобных» ребенка. И, наверное, каждого учителя хотя бы раз посещала предательская мысль: как от них избавиться? Это неизбежно, пока школьная жизнь строится не вокруг судьбы ребенка, а вокруг процента успеваемости. Об этом стала задумываться и я. А потом начала действовать. Иногда надо пойти против правил, чтобы сделать то, что, как мне думалось, просто необходимо ребенку.

Я убеждала маму, чтобы та отдала сына в специализированную школу. Даже нашла несколько адресов таких школ, звонила туда, договаривалась о встрече. Но мама Никиты не сдавалась. Я стала действовать через завуча. Писала докладные. Вместе с ней мы подолгу беседовали с мамочкой, убеждали, упрашивали забрать документы. Приводили сотни причин: как оценивать ребёнка по устным предметам? К тому же он учился в школе не по адресу прописки, жил в другом районе (Никита с мамой так и не переехали в наш микрорайон), ему приходилось долго добираться до школы (на метро и на автобусе). В конце концов, мама сдалась, забрала документы. Это было в начале апреля. Я вздохнула.

В те времена учителей в школе не хватало, приходилось работать по две смены. И мне, как опытному педагогу, предложили взять с нового учебного года ещё один первый класс, по программе 1—4. Закончился учебный год, я ушла в отпуск. А когда вернулась, то в списках будущих первоклассников своего класса обнаружила фамилию Никиты. Оказывается, за лето мама прописала сына к отцу. И теперь спокойно записала его в нашу школу по фактическому адресу проживания. И снова я встретила с Никитой. За лето мальчик подрос, повзрослел. Но как я ни старалась поговорить ребёнка, не смогла. Он по-прежнему молчал, стал сторониться одноклассников. Это был не тот маленький добродушный ребёнок, а подросший диковатого вида мальчик. Ведь Никите исполнилось уже 9 лет, а его одноклассникам было только 7 лет, а многим даже 6 лет. С каждым днём Никита замыкался в себе всё больше и больше. Но письменные работы и домашние задания он выполнял на «хорошо» и «отлично».

Вскоре у Никиты родился брат. Как я ни пыталась поговорить с ним о малыше, он не отвечал, опускал глаза, долго смотрел в пол.

Самым распространенным способом преодоления трудностей в то время, к сожалению, было выведение ребенка с аутизмом на надомное обучение. И проучившись два месяца в первом классе Никиту перевели на надомное обучение. Конечно, после того как мама принесла справку из поликлиники, что ребёнку необходимо обучаться на дому. Так и разошлись наши дороги (учила Никиту теперь другая учительница).

Никита закончил начальную школу. Когда перешёл в 5 класс, то ему выделили компьютер, чтобы он мог сдавать зачёты по устным предметам.

В данном случае даже открывающаяся возможность создать ребенку комфорт и приспособить к его индивидуальным особенностям процесс обучения не окупают лишения возможности накапливать практический жизненный опыт. Избавление от

необходимости приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам, я считаю, крайне вредно для аутичного ребенка, который и сам не направлен на активное развитие отношений с миром и не стремится выйти за рамки привычного. Приспособившись к специально созданным условиям обучения, он становится крайне зависимым от их сохранения, что не способствует освоению им более разнообразных отношений с миром.

Время шло. Подрос и младший брат Никиты. Вполне нормальный ребёнок. Разговорчивый. Несколько раз я видела Никиту с мамой и младшим братом, который тоже стал учиться в нашей школе. Как я ни старалась, на разговор Никиту вывести так и не смогла. Он уходил от ответа, даже прятался за маму. Когда я спрашивала про от-

ношения старшего и младшего, мама отвечала, что Никита любит младшего брата, играет с ним, разговаривает. Один раз учитель надомного обучения случайно услышала голос мальчика: голос был очень тонкий, тихий. Но мы были рады и этому. Значит, Никита действительно умел говорить и не был немым.

Вскоре Никита закончил школу. Семья переехала в другой район. Однажды я услышала, что мама оформила мальчику инвалидность. Он нигде не учился и не работал. Что с ним стало дальше, я не знаю.

Очень часто я встречаюсь с учениками того класса, где учился Никита. Они вспоминают маленького мальчика, который охотно держал их за руки, давал гладить себя по голове, но никогда не разговаривал с ними... ■

My student with ASD
A story from the past

M.M. Zavedeeva,
teacher of the highest category, elementary school teacher.
Moscow, Russia
E-mail: marinazavedeeva@yandex.ru